

Юлий Айхенвальд

Гончаров

Силуэты русских писателей

Юлий Айхенвальд

Гончаров

«Public Domain»

1910

Айхенвальд Ю. И.

Гончаров / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain»,
1910 — (Силуэты русских писателей)

«Одно из литературных мнений Чехова выражено в таких словах: „Между прочим, читаю Гончарова и удивляюсь. Удивляюсь себе: за что я до сих пор считал Гончарова первоклассным писателем? Его Обломов совсем не важная штука. Сам Илья Ильич, утрированная фигура, не так уже крупен, чтобы из-за него стоило писать целую книгу. Обрюзглый лентяи, каких много, натура не сложная, дюжинная, мелкая; возводить сию персону в общественный тип – это дань не по чину. Я спрашиваю себя: если бы Обломов не был лентяем, то чем бы он был? И отвечаю: ничем. А коли так, то и пусть себе дрыхнет... Остальные лица... эпохи не характеризуют и нового ничего не дают... Ольга сочинена... А главная беда – во всем романе холод, холод, холод... Вычеркиваю Гончарова из списка моих полубогов“...»

Юлий Исаевич Айхенвальд Гончаров

Одно из литературных мнений Чехова выражено в таких словах: «Между прочим, читаю Гончарова и удивляюсь. Удивляюсь себе: за что я до сих пор считал Гончарова первоклассным писателем? Его Обломов совсем не важная штука. Сам Илья Ильич, утрированная фигура, не так уже крупен, чтобы из-за него стоило писать целую книгу. Обрюзглый лентяй, каких много, натура не сложная, дюжинная, мелкая; возводить сию персону в общественный тип – это дань не по чину. Я спрашиваю себя: если бы Обломов не был лентяем, то чем бы он был? И отвечаю: ничем. А коли так, то и пусть себе дрыхнет... Остальные лица... эпохи не характеризуют и нового ничего не дают... Ольга сочинена... А главная беда – во всем романе холод, холод, холод... Вычеркиваю Гончарова из списка моих полубогов».

Русская литература этому примеру, конечно, не последует и в лучших списках своих имя Гончарова оставит. Но есть какая-то разумная необходимость в таком отношении автора «Оврага» к автору «Обрыва»: здесь вообще новелла отрицает роман. Гончаров и Чехов формой своих произведений – антиподы; ведь первый, мастер большого стиля, строитель большой книги, отнесся бы неодобрительно ко второму, художнику изящной миниатюры. «Писать талантливо, т. е. коротко» – на этот афоризм Чехова обиделся бы Гончаров. И односторонней правотою был бы он прав (а всесторонней правоты вообще не бывает), и Чехова можно было бы опровергнуть, просто указав рукою на зодчего грандиозных построек – Толстого, перед которым благоговел и сам защитник эстетической экономии, писатель маленьких рассказов. Верно только то, что доводом против Чехова могли бы, действительно, послужить словесные чертоги, русские Пропилеи «Войны и мира», но не «Обломов» и «Обрыв». Пространность оправдана Толстым, а не Гончаровым. Последний в самом деле выказал себя не сильным в художественной архитектонике: нет у него прекрасной скупости, рисунка, линий, нет сжатости и энергии – многое в его романах расплывчато и мучнисто, растянуто и длинно, зыбко и рыхло, как дрожжи. И понятно, что это должно было отталкивать Чехова, извлекавшего из жизни квинтэссенцию, от своих немногих страниц требовавшего сгущенной содержательности.

Но, разумеется, свою архитектурную нестройность творчество Гончарова слишком покупает другими чертами.

Незадолго до смерти, называя себя «близким кандидатом в покойники», он задушевно просил, во имя своего честного служения перу, чтобы не нарушали его последней воли, не печатали его личной переписки и судили о нем только по его литературным произведениям. Он хотел отойти в потомство исключительно как автор, как творец «Обломова» и «Обрыва»; он хотел, чтобы мерил его оценки служили не мимолетные изъяснения случайных писем! а то, что он обдумывал целыми годами и во что вложил свою душу, свои творческие замыслы!

Исполнить эту естественную и психологически-законную волю следовало бы даже и в том случае, если бы она набрасывала покров на интересные черты для его характеристики. Но в действительности этого нет: умственная и нравственная физиономия Гончарова ясно отразилась в его художественных творениях, и нам вовсе не нужна его переписка, для того чтобы знать, кто он. В заключительной главе «Обломова» мы видим даже его внешность: перед нами является «литератор, полный, с апатическим лицом, задумчивыми, как будто сонными, глазами». А в том классическом и для всех открытом письме, которое представляет собою «Фрегат „Паллада“», он много рассказывает о себе о своей жизни и на картины чужой природы, на описание всего путешествия налагает яркий отпечаток своей личности. Он смотрит на нас из своих произведений, так что мы можем прочесть не только их, но и его самого; он дает нам внутреннюю автобиографию.

Тем разительнее то глубокое недоразумение, в силу которого Гончарова нередко называют писателем объективным: таков эпитет, какой издавна придавали ему русские критики. Между тем в свои романы Гончаров свою натуру перенес всецело и нисколько не отрешался от себя, когда живописал других. У него и в помине нет той строгой объективности, которая подавляет в художнике его сочувствия и неприязни и без всякого заметного посредничества ставит нас лицом к лицу с жизнью и людьми. Мы слишком ясно видим, кого и что Гончаров любит, кому он отказывает в своей симпатии; например, рисуя фигуры Волохова и Тушина, он не скрывает, к которой из них лежит его сердце; он явно разделяет «бабушкину мораль», и не писатель-объективист провожает Веру в обрыв этой лирической мольбою: «Боже, прости ее, что она обернулась!» Такой же лиризм – конечно, спокойный – сказывается у него в описании любви Адуева и Наденьки и на многих других страницах. Гончаров необычайно субъективен в произведениях своего пера, он и не пытается достигнуть писательского беспристрастия и даже, не умея индивидуализировать слога, заставляет свои персонажи говорить пластическим языком самого автора: ведь молодой Адуев и Райский, Штолыц в своих последних беседах с Ольгой, Обломов в своих тирадах против столичной жизни – все они выражаются одинаково, и все они употребляют те же красивые, стройные, образные фразы, какие спокойно и медленно текут из уст самого писателя на тех его многочисленных страницах, где он прерывает ток непосредственного действия для своих рассуждений и характеристик. Иногда гончаровская речь или отдельная фраза, неосторожно вложенная в уста какого-нибудь героя, даже резко поражает своим несоответствием говорящему лицу; вспомните, например, как Татьяна Марковна в «Обрыве» определяет остроту: «острота фальшива, принарядится красным словцом, смехом, ползет, как змей, в уши, норовит подкрасться к уму и помрачить его» – разве это бабушкины речи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.